

Тарелкин до премьеры не умрет!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Случай с Лангхоффом не выводит из рамок своего рода «инженерия» и процесса подготовки уникального по своим творческим и техническим заданиям проекта. Маттиас Лангхофф, выступавший в качестве «Смерти Тарелкина» и как сценарист, и как режиссер, предложил сложившиеся творческие решения, которое требовало и больших материальных вложений, и немалого напряжения сил мастеров, учитывая сложную работу над спектаклем.

Главнейшие предложения режиссера о сроках выпуска спектакля, театр выставил перед собой задачей в сжатые сроки подготовить декорации. Подтверждение Министерством культуры о том, что финансирование проекта будет открыто в январе, позволило надеяться, что закупить материалы и начать изготовление оформления можно будет только в начале года. Любому сотруднику министерства, любому театралу пришло бы в голову, что никакие гарантийные письма сегодня не будут действовать, когда речь пойдет о закупке материалов, да и проблематично, что министерство может дать какую-либо гарантию. Валерий Фокин и дирекция театра все же на тарелки надежды и, заручившись поддержкой министра, который еще в январе отдал распоряжение об открытии финансирования, мы взялись за разработку сложившегося инженерного сооружения. Театр затратил из своих средств около шестидесяти тысяч рублей на подготовку проекта декорации. Однако без финансирования министерства приступить к изготовлению декорации в полном объеме не мог. И все же театр до последнего надеялся на то, что перенос сроков премьеры удастся избежать. Был разработан даже такой творческий проект, при котором декорации можно было успеть сделать в срок, распределив заказ между четырьмя мастерскими. Но денег из министерства все еще не было, и соответствующая инстанция театра с заключением договора с театром на этот проект Управлением культуры здесь, безусловно, еще никак в отношении финансирования во многом, если не полностью, зависит от Минфина. Но факт

остается фактом: вместо середины января договор с министерством не финансирование проекта был подписан только в марте, к тому же никто не знал, что между датой подписания договора и реальным приходом денег в театр обильно существуют огромные интервалы. Когда стало абсолютно ясно, что договорить, сделать в срок невозможно, театр проинформировал режиссера о создавшемся положении и предложил обсудить перенос сроков премьеры. Такая практика, к сожалению, весьма распространена и имеет место даже в крупнейших театрах мира. Имея горячую заинтересованность в осуществлении проекта, Александринский театр провел напряженные и интенсивные переговоры с Маттиасом Лангхоффом. Была назначена встреча в Санкт-Петербурге, которая в апреле и состоялась с участием Валерия Фокина как художественного руководителя программы. Стороны вначале договорились, что совместная работа над «Тарелкиным» театром, приоритетной, был составлен ее примерный график, и по окончании в дальнейшем проблем с финансированием выпуска спектакля был отмечен не ранее 2004 года.

Авторы программы, конечно же, имели в виду «на случай форс-мажорной ситуации» почти готовую режиссерскую разработку известного петербургского постановщика Григория Козлова, который в рамках программы предполагал поставить «Меленькие трагедии» А.С.Пушкина. Это произведение впервые было осуществлено именно на Александринской сцене. Сейчас идет составление деталей этого проекта, и мы надеемся, что в конце года премьеры состоится.

Шум, поднятый вокруг программы «Новая жизнь традиции» журналистами, вполне понятен: творческий проект такого масштаба поистине уникален. Однако удивление вызывает то, что слова сомнения и подозрительности несутся внутри творческого коллектива программы. Это можно объяснить лишь изданными или недостаточным пониманием специфики производственной деятельности театра.

Дирекция Александринского театра

Итак, 6 апреля в Санкт-Петербурге состоялась встреча художественного руководителя совместной программы Центра имени Мейерхольда и Александринского театра «Новая жизнь традиции» Валерия Фокина и директора Александринского театра Игоря Сашенко с режиссером Маттиасом Лангхоффом.

О том, как проходили переговоры с Лангхоффом, о причинах возникшего прецедента и дальнейшей судьбе программы рассказывает Валерий ФОКИН:

— Слова Бору с Лангхоффом нам удалось договориться о первом сроке премьеры спектакля «Смерть Тарелкина» на осень 2004 года. Хотя переговоры были очень напряженными. Этой встрече предшествовала довольно длительная переписка режиссера с Александринским театром, постоянные телефонные переговоры в Петербург, где и в то время работал. Обстановка была достаточно напряженной. Лангхофф говорил и писал о том, что рассматривает этот прецедент как нарушение своего контракта.

— Какие аргументы, приведенные руководителями программы, заставили Лангхоффа изменить свое намерение разорвать контракт и вернуться к работе над спектаклем?

— Мы его уговорили только по творческим соображениям. Мы считали, чтобы в репертуар Александринского театра в рамках программы поместился его спектакль. Лангхофф же действительно — один из немногих европейских режиссеров, который любит и знает русскую классическую драматургию, знает Мейерхольда. Ему ведь тоже хочется поставить «Смерть Тарелкина», несмотря на все свои возмущения. Тем более что он уже придумал, как это сделать.

— Но неустойка тем не менее ему будет выплачена?

— Безусловно. Предусмотренная контрактом. Об этом мы тоже договорились.

— Все это можно было бы рассматривать как частный случай. Но известно, что переговоры пришлось вести не только с Лангхоффом, но и с Григорием Козловым, чтобы заполнить «программную» брешь 2003 года?

— Естественно. К счастью, удалось с ним договориться о том, что осенью этого года он представит в рамках программы спектакль «Меленькие трагедии». Но и Козлову пришлось менять свои планы, связанные с руководством на петербургском ЮФОР, со студенческими (в ботанике в театральной академии. Теллер и Чайка) Кристиана Лопы переносится на 2005 год, хорошо, что еще время есть. А ведь могло бы получиться так, что мы в текущем году оказались бы без спектакля. Тогда, скажите, программа закончилась бы.

— Срыв контракта с Лангхоффом — это чисто российское театральное явление, или здесь присутствовали другие, но творческие мотивы?

— То, что нет никакого саботажа или злого умысла, это стопроцентно. В этом просто нет никакой логики. Я думаю, это какое-то стечение обстоятельств. Действительно, Министерство культуры с финансированием опоздало, и масса усилий была предпринята, чтобы его открыть. Но мне казалось, что Георгий Сашенко — очень опытный директор, уважаемый в городе человек. Наверное, можно было бы что-то предпринять — взять средства в кредит, в долг, чтобы были соблюдены сроки. Да, сложилась очень тяжелая финансовая ситуация, но не безвыходная. У нас в России финансирование довольно часто ликвидируется, это даже не норма. Но зная, на мой взгляд, мог быть найден.

— Какова реакция на этот инцидент Михаила Шандрица?

— Мы встретились. Министр был очень открыт, встревожен, что здесь не сорвался проект.

— Несмотря на то что именно Министерство культуры возмещает

не открытое финансирование?

— Я думаю, это случится не сейчас, но мы знаем, потому что и туда деньги своевременно не пришли. Моя точка зрения такова — мы знаем, где мы живем и в какую ситуацию можем попасть. Еще ведь надо учитывать наше мышление. Если бы речь шла о русском режиссере, ни по каким обстоятельствам и за форс-мажор бы не сошли. Случись такое со мной в России, я бы, конечно, сказал ему что же делать, буду перекармливать свои планы, искать выход из положения, потому что я знаю, где живу. А работая на Западе, безусловно, поступил бы, как Лангхофф: потребовал неустойку, потому что терять время и деньги, мы недоукомплектованы того, что наши профессиональные повешены на корреспондентскую с четкостью и юридическим тонкостью западной логики. Мы к этому не привыкли, к социализму. Иногда думаю, что контракт — это бумагу, которую можно разорвать в любой момент, не понимая, что это — абсолютная ответственность. Вот в чем проблема. Поэтому конечно, не спускающийся инцидент надо извлечь уроки и не допустить ее повторения.

— Дальнейшее осуществление программы пройдет под более жестким контролем?

— Не то слово. Но это будет не столько организационный контроль, сколько совместный с Александринским театром контроль за финансово-экономическими аспектами. В связи с тем же спектаклем Лангхоффа мы должны заранее организовать финансирование и проследить, чтобы все декорационные работы были закончены летом 2004 года.

— Мой предыдущий собеседник Валерий Семеновский сказал о том, что вы сами прокомментируете случай с вашим назначением на пост художника Александринского театра.

— Это был проект, который витал в кабинетах Министерства культуры. Я об этом узнал тоже из министерства, в том числе и о письме актрисы Александринского театра и его директора Г.Сашенко с просьбой назначить меня художником Александринки. После этого у меня состоялась беседа с Михаилом Шандрицем, который предложил мне упомянутый пост. Я отметил, что не могу так однозначно решать этот вопрос, поскольку мой дом — это Центр Мейерхольда, указать откуда и не собираюсь. Если же эту проблему обсуждать, то при условии, что одновременно со мной в театр придет и главный режиссер, вместе с которым я мог бы осуществлять прежде всего репертуарное руководство театром. Тем более что программа рассчитана до 2008 года, и основная часть репертуара должна быть, по известности, связана с ней. Такой вариант возможен. Но он пока остается на уровне обсуждения. Честно скажу, меня этот сюжет так остро не волнует. Меня больше волнует программа.

— Но ведь при этом условии ее осуществление было бы проще?

— Ну, наверное, проще. С другой стороны, я скажу, что руководство таким большим театром — это очень тяжелое дело. Не уверен, что мне это хочется. Вот именно программу хочется сделать — включить в репертуар Александринского театра спектакли Лангхоффа, Лопы, Козлова, Дятковского, может быть, еще кого-то из западных театров режиссеров. За это я открыт.

Беседу вел Ирина АЛПАТОВА

Москва МНЦ им.

23.04.03